

ВТОРОЕ ТИБЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ – так называл свою последнюю экспедицию в Центральную Азию Николай Пржевальский. Он прошел на верблюдах 7815 километров за два года. Мы проделали лишь часть его маршрута через север Тибетского нагорья на велосипеде, 1518 километров за 36 дней. Он был первым европейцем, побывавшим здесь. За 130 лет изменилось немногое.

Крутим педали, а колеса предательски проваливаются в мягкую грязь, все пространство впереди скрыто в тумане. Высота – несколько тысяч метров, голова кружится, мучает горная болезнь. Наша цель – два ледника (район вершин Улут-Музтаг и Шапка Мономаха) на вершинах хребта, названного Русским географическим обществом в честь Пржевальского. Все, что видим вокруг на тысячи километров, – нагорье Кунь-Луны, одна из крупнейших горных систем мира, которая окаймляет Тибет с северной стороны. Это высоты почти в пять тысяч метров, и места на маршруте почти необитаемые, до населенных пунктов добраться несложно.

Пржевальский в экспедиции 1883–1885 годов передвигался на верблюдах и лошадях, у нас велосипеды. И все время путешествия мы видели почти то же самое, что и русская экспедиция позапрошлого века.

Начало

В Астане покупаем билеты до китайского Урумчи. На таможне китайцы тщательно проверяют содержимое рюкзаков, смотрят флешки фотоаппаратов и ноутбуки. Всем измеряют температуру. Дальше на автобусе через пустыню Такла-Макан до оазиса Черчен. В местной гостинице встретили двух велопутешественников – из Аргентины и Италии. Один доехал своим ходом из Пакистана, а второй – из Испании. Вообще Черчен – интересное место. Рядом с современным городом в песках пустыни затеряны еще два древних селения. Одно разрушено в VIII веке, когда на эти земли пришел ислам, а второе – в XIII веке полчищами Чингисхана. Местные жители для своих нужд используют найденное в древнем городе стекло и все, что попадает под руки.

У нашей команды во всех экспедициях всегда с собой спутниковый телефон. Но китайские власти, видимо, для того, чтобы в мире не узнали, что творится на территории Уйгурин (там в очередной раз бунтовали уйгуры-мусульмане), полностью отключили интернет и телефоны. Мы понадеялись на спутниковую связь, но не тут-то было: китайцы умудрились глушить даже ее. Только три раза за весь поход мы чудом сумели пробиться сквозь помехи.

Золотой хребет

Маленький грузовичок, который мы нанияли, чтобы проехать через барханы пустыни Такла-Макан, многократно застревает в песках, а мы подкладываем под колеса специально заготовленные бревна и выталкиваем его. Наконец пустыня заканчивается, и мы въезжаем в Кунь-Луныские горы. Первый, самый северный хребет называется очень маняще – Алтын-таг.

«Хребет Алтын-таг был открыт мною в конце 1876 г., во время лобнорского путешествия, – пишет Пржевальский в дневнике, посвященном экспедиции. – Его название в переводе означает «золотой хребет» (в переводе с тюркского «алтын» – золото, «таг» – хребет) и дано, вероятно, вследствие обилия здесь золота. При общем направлении от западо-юго-запада к востоко-северо-востоку описываемый хребет тянется на 700 верст...»

Наши грузовички с трудом поднимаются на перевал Токуз-Даван (3000 метров). Здесь мы садимся на велосипеды и начинаем путь на юго-восток, куда ведет забытая вездеходная колея, – едем сначала по ней. Надеемся, что из-за сухой погоды воды в реке мало и мы сумеем через нее переправиться.

Подъехав к воде, с удивлением обнаруживаем настоящее чудо природы. Река по всей своей ширине совершенно неожиданно – в буквальном смысле – уходит под землю (падает в каньон) мощными водопадами и дальше много километров несется по узкому каньону. С трудом находим место, где можно перейти реку вброд. Первые три рукава особой сложности не представляют, зато четвертый, самый широкий и бурный, сперва кажется непреодолимым. Вначале все идет хорошо: велосипед погружается в воду выше осей колес, но его еще можно удержать, чтобы не смыло течением. Последние не-

**Мы преодолели 44 перевала,
прошли и проехали на велосипеде
1518 километров на средней высоте
около 5000 метров**

сколько метров оказываются самыми трудными: у того берега река вымыла яму, куда велосипед уходит почти вместе с рюкзаком. А вот как проходила экспедиция Пржевальского в тех же местах:

«Во второй половине этого пути шли тропинкой, по которой ездят лобнорцы в Гас. Здесь же ходят, по крайней мере прежде чаще ходили, богомольцы-торгоуты в Тибет. Мы даже видели давний колесный след. Это, вероятно, ехал в тягеге какой-нибудь важный лама или богатый князь на поклонение в Лхасу. Таким образом важные монгольские особы изредка до сих пор путешествуют из Урги в столицу Далай-ламы».

Долина Улугхэ

Ранним утром начинаем подъем вверх по долине небольшого притока Улугхэ. Здесь встречаются слепы кочевников – остатки их стойбища. Постепенно долина сужается, а крутизна подъема увеличивается. Даёт о себе знать и все возрастающая высота, которая приближается уже к 5000 м. Так высоко в этом походе мы пока не забирались. Из долины Улугхэ резко налетает непогода. Метет снег, дует

К МАРШРУТУ мы готовились большие годы. Велосипеды – с усиленной рамой, ободами, дисковыми тормозами и широкими покрышками, чтобы меньше проваливаться в землю.

шквальный ветер. На седловине складываем тур из камней, в него причем записку о прохождении перевала, снимаемся на фото и видео и начинаем спуск по крутым склонам на велосипедах. Впрочем, Пржевальскому было не легче:

«Нужно видеть воочию всю силу разгулявшегося в пустыне ветра, чтобы оценить вполне его разрушающее действие. Не только пыль и песок густо наполняют в это время атмосферу, но в воздух иногда поднимается мелкая галька, а более крупные камешки катятся по поверхности почвы».

На велосипедах же добираемся до того места, где в Улугхэ впадает слева довольно крупный приток. Отсюда, если подниматься вверх по нему, можно попасть на перевал Карамуран.

На вершине крупного скального выхода около устья притока оставляем велосипеды и дальше идем пешком. Ехать тут нельзя, а тащить лишний груз

смысла нет. С самого утра понемногу набираем высоту, которая уже более 5000 м. Пообедав на берегу реки, пересекаем широкую долину Улутхэ. Погода портится. Налетают низкие облака, идет снег. Видимость метров тридцать, и идем, как в молоке. Впрочем, вечером распогодилось и показалось очень красивое тибетское небо, все в огромных звездах.

Ледник Улуг-Музтаг

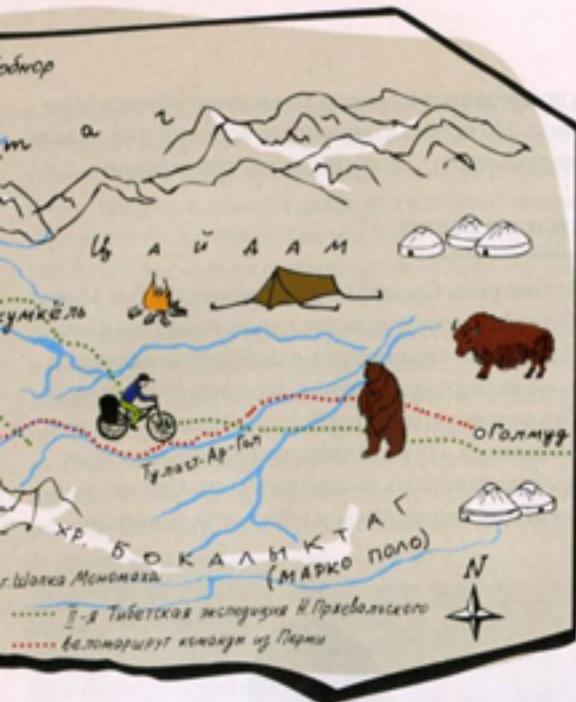
Наконец на 12-й день путешествия мы сумели пробраться к заветной цели – огромному леднику, стекающему с вершины Улуг-Музтаг (в переводе с тюркского – «белая» или «ледяная гора»). Почти

целиком, до самого подножия на высоте 5300 м, он покрыт еще и слоем предательского снега, скрывающего расщелины глубиной до 300 метров. Стало понятно, что

ВЕС НАШЕГО

снаряжения, которое приходилось носить с собой без учета альпинистского, – около 50 килограммов.

альпинистская часть маршрута будет непростой. А напротив нас, на другой стороне ледника, возвышается ледяной красавец Улут-Музтаг. В этот момент с него сходит очередная лавина, уже третья за сегодня. Из-за сильного снегопада не может быть и речи, чтобы начать восхождение на Улут-Музтаг. Решаем ограничиться безымянными вершинами поменьше, между гребнями которых делали привал.

НИКОЛАЙ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ
Второе тибетское, или четвертое путешествие Н. М. Пржевальского в Центральную Азию продолжалось два года – с 21 октября (2 ноября) 1883 г. по 29 октября (10 ноября) 1885 г. За это время экспедиция прошла на верблюдах и лошадях гро-

мадный путь в 7815 км. Выход из Кяхты, Пржевальский прошел через Монголию к Кукунору, откуда проделал большой кольцевой путь к истокам Желтой реки и к Янцзы. Далее он пересек Цайдам и Алтын-таг, вышел к озеру Лоб-Нору, прошел вдоль Алтын-тага, сделал меридиональное пересечение пустыни Такла-Ма-

Рано утром начинаем восхождение. Везет, что светит солнце и ветра почти нет. Путь выбираем самый безопасный: по крутым склонам прямо от палатки поднимаемся на гребень и дальше к вершине двигаемся по нему. Все в снегу, и по краям опасные карнизы. Приходится идти связками и в «кошках». На вершине выкладываем тур из камней, куда при чем непромокаемую капсулу с запиской, где указываем информацию о себе и о том, что эту вершину высотой 6200 метров мы называем пиком Пржевальского. Только успели сфотографироваться, как опять с запада налетает очередная порция ураганного ветра со снежными зарядами.

Возвращаемся к велосипедам, которые мы оставили почти в самом начале ледника. Чтобы сократить путь, идем по ущелью другой реки – притоку Улутхэ. Она меньше, но симпатичнее.

Шапка Мономаха

Теперь нам предстоит переход к горе Шапка Мономаха. Главные препятствия на пути – переправы через реки и мало ком пройденные перевалы.

«Хребет моего имени. Этот хребет, как уже было говорено, назван мною первоначально «Загадочным», потому что мы видели его лишь издали и нанесли на свою съемку только приблизительно. Нам удалось отметить, да и то лишь одной засечкой, здесь гору, как кажется, самую высокую, которая по своей форме, напоминающей большую меховую шапку, названа мною Шапка Мономаха».

Проезжаем мимо красивейшего озера Аччикель. Это изюминка маршрута: озеро поражает размерами и крутыми скалистыми островами. Со всех сторон оно окаймлено горами самых разнообразных очертаний и цветов, вода бирюзово-голубая. Прибой – как на море, и вода такая же соленая. Пржевальский в дневниках пишет о таком же соленом озере неподалеку – Аляксумкель:

«Вдоль по равнине раскидывалось большое озеро, к удивлению нашему еще не покрытое льдом. Озеро это я тут же назвал Незамерзающим. Вода чрезвычайно соленая, издали прекрасного темно-голубого

цвета и через Тянь-Шань вышел к Караколу (ныне Пржевальск). Основная цель этого путешествия – в исследовании истоков Желтой реки, Алтын-тага и Кашгары (Восточного Туркестана). Это подчеркивал и сам путешественник, когда называл отчет по четвертому путешествию «От Кяхты на истоки Желтой реки,

исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима».

Мы с медведем замерли друг против друга, а потом разбежались в стороны

цвета. Вследствие своей излишней солености оно описано как «затерянное озеро, вероятно, никогда не замерзает».

От озера едем строго на восток по огромной, высокой, затерянной в горах долине реки Сасыкъяр. Она отличается от других долин, которые мы уже проехали. Диких животных больше, чем обычно, и они подпускают к себе совсем близко. Один раз, когда стадо примерно из 20 куланов переходило передо мной колею, я сумел разогнаться и почти догнал стадо, так что последний кулан оказался от меня всего в трех метрах. Я буквально почувствовал его запах и услышал напряженное дыхание.

Полюс недоступности

Так называемый полюс недоступности Кунь-Лунь – не конкретная географическая точка, а раскинутая более чем на 100 километров во все стороны зона, максимально удаленная от населенных пунктов. До ближайшего города – более 500 км. Если отсюда двигаться дальше на юг, то там места еще более глухие. Но это будет уже не Кунь-Лунь, а Северный Тибет. В центральной части гор высиится хребет Пржевальского. Вообще, Кунь-Лунь в древнекитайской мифологии – священная гора, которая, по мнению китайцев, находилась где-то на западе, и оттуда можно было попасть в рай.

Пересечение полюса недоступности заняло у нас несколько дней. Пробираясь вдоль очередного безымянного горного хребта, мы уперлись в огромный каньон Петелиздары с отвесными осипными стенами высотой более 100 метров. Прямо под нами бесновалась огромными волнами цементного цвета река. На другом берегу паслось стадо диких яков, которые, как только мы вышли на край обрыва, быстро ретировались за изгиб склона. По долинам рек с труднопроизносимым названием Курук-петеликтагнысу и Халсай, по полному бездорожью

мы подобрались к самому подножию Шапки Мономаха. Но погода становилась все хуже и не давала даже посмотреть на эту недоступную вершину.

Яки и медведи

В долине реки Сасыкъяр у подножия хребта Марко Поло (он тоже проходил где-то недалеко в конце XIII века) мы столкнулись с тибетским медведем. Это очень редкое животное, его трудно увидеть, и любая встреча считается большой удачей для исследователей. Пржевальскому удалось повстречать этих животных только один раз. Сейчас они, как и дикие яки, куланы и антилопы, занесены

Н. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ
о русских староверах на Лоб-Норе. Из книги «От Кяхты на истоки Желтой реки»:
«При нынешнем посещении Лоб-Нора нам удалось собрать сведения о пребывании в этих местах, в начале шестидесятых годов, партии русских староверов. Года за два с небольшим до

начала магометанского восстания в Восточном Туркестане, следовательно в 1860 г., к ним неожиданно пришли четверо русских. Спустя восемь месяцев русские вновь явились сюда партией около сотни человек, считая женщин и детей. Все они отлично говорили по-киргизски и объясняли, что пришли из лежащих

далеко к северу гор, в которых живут киргизы и торгуоты – следовательно, из Алтая. Причиной переселения выставляли гонение своей веры. Поселились пришельцы на р. Джакансай – близ развалин г. Лоб и Чархалыка, где вскоре выстроили себе деревянный дом. С туземцами жили в согласии, но мало или во-

все не помогали друг другу, так что некоторые побирались в Чархалыке.

Однако недолго пришлось новым колонистам жить на Лоб-Норе. Через год после их прибытия сюда, по приказанию китайского губернатора, явился из Турфана князь воевод лобнорцев и таримцев и разорил поселение староверов».

в Красную книгу. Тибетские медведи ростом меньше нашего бурого и имеют более серый окрас. Мне тоже удалось столкнуться с медведем почти «лицом к лицу» – я замер в двадцати шагах от медведя, он сделал то же самое. Так мы посидели друг против друга несколько секунд, после чего резво побежали в противоположные стороны.

А однажды над обрывом показался огромный черный як. Он явно не хотел уступать дорогу. Мы, зная уже, что яки могут быть опасны, не стали идти напролом, а собирались в группу и медленно стали двигаться к нему. Як резво замотал своим огромным хвостом, нагнул голову, поддел здоровенными рогами большой кусок земли и метнул его в нашу сторону. Мы стояли напротив яка, он издавал угрожающие звуки – скрыться нам было действительно некуда, поза-

ГРЯЗЬ НАЛИПАЛА

на велосипеды постоянно и мешала крутиться колесам – приходилось то и дело счищать ее.

ди был очень крутой обрыв. К счастью, через некоторое время он встал и пошел от нас прочь, иногда оглядываясь. Здесь мы двигались практически по пути экспедиции Пржевальского:

«Верст на 25 расстилается совершенно бесплодная равнина с почвой из лесовой глины, песка и гальки. Летом, во время сильных дождей, в горах вода бежит по всей этой равнине; тогда пути здесь нет. Нельзя также пройти с караваном и по самому Улан-Гаджишу, пока болота не замерзнут. Вообще поздняя осень, которая теперь уже наступила, может считаться единственным лучшим временем для путешествия по всему южному Цайдаму. Весной и летом пройти с верблюдами здесь почти невозможно – болота топки, жарко; зимою выключенным животным также трудно, ибо корм на ночлегах уже съеден местным скотом».

Еще через несколько дней после этой встречи мы неожиданно выехали на нормальную дорогу – это был район Цайдамской котловины: шелест шин по асфальту радовал слух, из проезжавших мимо китайских грузовиков сигналили и махали нам руками. Ну а потом наша экспедиция прибыла в город Голмуд. А впереди нас ждала комфортная гостиница и душ – впервые за два долгих месяца. ▲

